

С. Я. Надсон

**Стихотворения С. Я.
Надсона**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
С11

С. Я. Надсон
С11 Стихотворения С. Я. Надсона / С. Я. Надсон – М.: Книга по Требованию, 2012. – 460 с.

ISBN 978-5-458-24041-3

Родился в Петербурге в семье чиновника. Поступил в Павловское военное училище, откуда в 1882 году был выпущен подпоручиком в Каспийский полк, расположенный в Кронштадте. Тогда же начал писать и публиковать стихи. В 1884 году вышел в отставку, из-за обострения чахотки, которой страдал с детства, при помощи Литературного фонда уехал за границу - сначала в Висбаден, потом в Ниццу. Ни теплый климат, ни две операции туберкулезной фистулы ноги, которые Надсону сделали в Берне, ни к чему не привели, и летом 1885 года друзья решили отвезти его назад в Россию. Между тем популярность Надсона-поэта неуклонно росла, вышедшее в 1885 году собрание стихотворений быстро разошлось, академия наук присудила ему Пушкинскую премию. Медленно угасая, он прожил еще около полутора лет, сначала в Подольской губернии, затем под Киевом и, наконец, в Ялте, где и умер в 1887 году. Тело поэта перевезли в Петербург; похоронили С. Я. Надсона на Волковом кладбище.

ISBN 978-5-458-24041-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СТИХОТВОРЕНІЯ

С. Я. НАДСОНА.

Не говорите лишь: онъ умеръ—онъ живетъ!
Пусть жертвенникъ разбитъ—огонь еще пылаетъ,
Пусть роза сорвана—она еще цвететъ,
Пусть арфа сломана—аккордъ еще рыдаетъ.

СЕМЕНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ НАДСОНЪ.

(БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Какъ мало прожито, какъ много пережито...

С. Надсонъ.

Трудно, кажется, представить себѣ жизнь, болѣе грустную, чѣмъ короткое, 24-лѣтнее существованіе Семена Яковлевича Надсона. Одинокое, печальное дѣтство, тяжелое отрочество, юность, омраченная безпощаднымъ недугомъ, и мучительная смерть... смерть въ то самое время, когда его уже окружала почетная извѣстность, а впереди улыбались, быть можетъ, громкій успѣхъ и слава! Поистинѣ темная, ужасная картина!

Семенъ Яковлевичъ Надсонъ родился въ Петербургѣ 14-го декабря 1862 г. Со стороны отца онъ былъ еврейскаго происхожденія. Дѣдъ его, принявшій православіе, жилъ въ Кіевѣ и имѣлъ тамъ недвижимую собственность, а отецъ, по рассказамъ знавшихъ его, весьма даровитый человѣкъ и хорошій музыкантъ, умеръ еще въ молодыхъ годахъ, отъ психическаго разстройства, въ пріютѣ для душевно-больныхъ. Мальчикъ совсѣмъ не зналъ отца, такъ какъ этотъ послѣдній умеръ, когда будущему поэту было всего два года. Мать поэта, Антонина Степановна, изъ русской дворянской семьи Мамантовыхъ, отличалась рѣдкой красотой и необыкновенной сердечностью, привлекательностью и симпатичностью. Оставшись жить въ Кіевѣ послѣ смерти мужа, Анто-

VIII

пина Степановна содержала собственными трудами себя и двух своих дѣтей, занимая мѣсто экономки и учительницы въ семьѣ нѣкоего Ф—ва. Когда мальчику было приблизительно лѣтъ семь, мать его, разсорившись съ Ф—вымъ, уѣхала въ Петербургъ и поселилась здѣсь у брата своего, Діодора Степановича Мамантова, а Семенъ Яковлевичъ поступилъ въ приготовительный классъ 1-й классической гимназіи. Вскорѣ затѣмъ, уже больная, А. С. вышла вторично замужъ за Николая Гавриловича Өмина и уѣхала съ нимъ въ Кіевъ. Но супружество это было несчастливо и кончилось тѣмъ, что Өминъ, въ припадкѣ унопомѣшательства, повѣсился. Испытавъ весь ужасъ нужды, такъ какъ она осталась безъ всякихъ средствъ по смерти второго мужа, А. С. снова перѣѣхала съ дѣтьми въ Петербургъ, гдѣ стала заниматься въ школѣ сестры своей, Лидіи Степановны Мамантовой, и здѣсь, еще молодая, 31-го года, умерла отъ чахотки.

О самомъ раннемъ дѣтствѣ С. Я. извѣстно очень мало. Впрочемъ, на эту первую пору его жизни проливаютъ нѣкоторый свѣтъ отрывки и наброски самого поэта, найденные въ посмертныхъ его бумагахъ. Вотъ одинъ изъ этихъ отрывковъ:

„Я мало знаю объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ мое дѣтство; знаю лишь нѣсколько отрывочныхъ фактовъ, объясненія которымъ и до сихъ поръ не сумѣлъ подыскать. Вслѣдствіе этого я никогда не вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, — я его себѣ *представляю*, какъ представляю, напримѣръ, годъ — въ видѣ какой-то круглой дороги, причемъ часть ея, соответствующая великому посту, мнѣ кажется покрытой чернымъ сукномъ, а Пасхѣ — краснымъ; какъ представляю себѣ Рождество — въ видѣ убранной елки, и т. п.

„Когда случается мнѣ представлять себѣ мое дѣтство, прежде всего встаетъ передо мною нашъ маленькій флигелекъ въ Кіевѣ. Я и до сихъ поръ люблю такіе флигельки: привѣтливый, уютный, со множествомъ пристрооекъ, съ полусгнившимъ заборомъ изъ барочнаго лѣса, за которымъ тянется пустырь, поросшій бурьяномъ,

молочаемъ, ромашкой и полынью; въ памяти моей онъ остался навсегда свѣтлымъ синонимомъ удобства, домовитости и тихой, беззаботной жизни. Въ низкихъ комнатахъ, съ неуклюжими, широкими печами, съ цвѣтами и занавѣсками на окнахъ, съ дешевенькими обоями и некрасивой, но зато удобной и прочной мебелью, прошло мое первое, раннее дѣтство. Изъ него почему-то мнѣ врѣзались въ память два факта—или, вѣрнѣе, двѣ картинки. Одна,—какъ я въ первый разъ, четырехъ лѣтъ отъ роду, въ уютной кухнѣ, принялся учиться грамотѣ у моей разсудительной старушки-няни, готовя сюрпризъ ко дню ангела мамы; а другая,—какъ я съ сестрой, играя во дворѣ, готовилъ обѣдъ изъ цвѣтковыхъ бѣлой и желтой акаціи и какой-то травы съ морковнымъ вкусомъ, называемой нами дудками. Отчего именно эти два факта врѣзались въ мою память—не знаю; но я помню эти сцены, какъ бы онѣ случились со мной только вчера... Далѣе помню себя въ деревнѣ, въ подгородномъ имѣніи Ф—ва, у котораго моя мать живетъ экономкой и гувернанткой. Воображеніе рисуетъ мнѣ прежде всего старый, запущенный садъ, съ двумя, соединенными плотиной, прудами, съ густой зеленью березъ, ивъ, дубовъ и липъ, съ пирамидальными вершинами итальянскихъ тополей и узкими дорожками, потонувшими въ душистыхъ кустахъ жасмина и шиповника, перевитыхъ гибкими лозами ярко-зеленаго хмѣля. Особенно памятенъ мнѣ поросшій крапивой оврагъ; нерѣдко, вооруженный деревянной саблей, я врѣзывался въ самую середину крапивы, которая въ моихъ одинокихъ дѣтскихъ играхъ казалась мнѣ полчищемъ татаръ,—и, не смотря на обжогъ, отважно рубилъ направо и налево, пока, утомленный, не выбирался изъ оврага и не бросался въ густую траву на берегу залитаго солнечнымъ блескомъ пруда, лѣниво прислушиваясь къ металлически-звонкому и однообразному кваканью лягушекъ и немолчно раздающемуся въ ушахъ стрекотанью кузнечиковъ. А въ травѣ все жило своей особенной, чудновой жизнью. Я старался поставить себя на мѣсто большого красного муравья, взбирающагося по стебельку стройнаго колокольчика.

и съ его точки зрѣнія взглянуть на этотъ новый міръ; я подмѣчалъ игру свѣта и тѣни сквозь зеленую полумглу сквозившихъ на солнцѣ широкихъ листьевъ подорожника, отрывалъ свѣтлыя и привѣтливныя лужайки и грозныя гранитныя вершины, и достигалъ, наконецъ, до того, что высокій кустъ репейника казался мнѣ такимъ гигантомъ, что, при видѣ его, у меня въ груди сжималось сердце какимъ-то мучительно-подавляющимъ чувствомъ. Такъ развивалъ я свое воображеніе. А тутъ кстати пришло еще и моя страсть къ чтенію... Какъ я уже сказалъ, я рано, можетъ быть слишкомъ рано, выучился читать. Сначала дѣло пошло довольно туго: помню, что я никакъ не могъ помириться съ ѣ и съ ъ, встрѣчающимися въ серединѣ слова. Цѣлый годъ употребилъ я на то, чтобы прочесть Швейцарскаго Робинзона и кое-что изъ Пушкина; зато потомъ надолго моимъ любимымъ чтеніемъ сдѣлались путешествія и стихи, пока не замѣнила ихъ, ужъ позже, страсть къ романамъ“.

Лѣтъ восьми-деяти перечиталъ онъ множество книгъ, читая безъ разбора все, что только попадалось подъ руку. Любопытенъ перечень этихъ книгъ въ одномъ изъ дневниковъ поэта (которые онъ началъ вести лѣтъ 11, 12, въ военной гимназіи). Здѣсь мы читаемъ: „Апрѣль, 1875 года. Книжки, какъ, напр.: „Евгенія или Тайны французскаго двора“; мелкіе рассказы Гофмана; „Дѣтство“, „Отрочество“ и „Юность“ Толстого; Жуковскій; „Разсказы доброй сосѣдки“; „Воля“ Скавронскаго; Тургеневъ („Записки Охотника“ и другіе рассказы, напр.: „Рудинъ“, „Затишье“, „Два пріятели“, и другіе); Гончаровъ („Фрегатъ Паллада“, „Обрывъ“); „Свой хлѣбъ“ — Рѣшетникова; „На распутьѣ“ — Авсѣнко; „Дача на Рейнѣ“ — Ауэрбаха; нѣсколько повѣстей и разсказовъ Лѣскова-Стебницкаго; нѣсколько книгъ Макаровой, Ростовской, Чистякова; много дѣтскихъ книгъ и разныхъ сказокъ; „За скипетры и короны“, „Европейскія мины и контрмины“, „Эпигоны“ — Самарова, „Брянскіе лѣса“, „Искуситель“ — Загоскина, — да и не переписать всѣхъ, — очень ихъ много, кото-

рны я прочелъ, бывши въ Кіевѣ, и многія изъ этихъ книгъ сильно на меня вліяли“.

Занятія мальчика въ классической гимназіи въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Кіевѣ, шли отлично. Въ послѣдніе мѣсяцы жизни матери, по совѣту Ильи Степановича Мамантова, Семена Яковлевича отдали пансіонеромъ во 2-ую военную гимназію (теперь 2-ой кадетскій корпусъ), и это было первымъ серьезнымъ его горемъ. Разлука съ матерью тяжело поразила его. Не разъ горько жаловался онъ на это и впослѣдствіи. „Всегда и всегда случалось со мною именно то, чего я больше всего страшился“,—говорилъ онъ.—„Когда, бывало, ребенкомъ на меня находило желаніе капризничать и не слушаться, мать ничѣмъ не могла такъ напугать меня, какъ обѣщаніемъ отдать въ корпусъ: про него она нарочно рассказывала мнѣ разные ужасы. Подумайте же, съ какими мыслями переступилъ я, слабый и больной мальчуганъ, за его негостепріимный порогъ. Мать страдала не меньше меня—но выбора не было: злая чахотка день ото дня подтачивала ея шаткое существованіе, отнимая возможность работать, а слѣдовательно и платить деньги за мое ученіе. Дядя предложилъ похлопотать о принятіи меня въ корпусъ на казенный счетъ, и, послѣ мучительныхъ колебаній, она согласилась. Не могу забыть, какъ въ послѣднюю ночь, проведенную мною дома, она уговаривала меня, со слезами на глазахъ, не скучать и хорошо учиться, и какъ обѣщала брать меня на праздники и на каникулы и ѣздить ко мнѣ. Не могу забыть раздирающей сцены въ первое воскресенье, когда меня насильно оторвали отъ матери и понесли сажать на извозчика, такъ какъ было уже половина девятого вечера, а девять часовъ были назначены срокомъ моего отпуска“.

Субботніе отпуска являлись такимъ образомъ свѣтлымъ праздникомъ для сына и для матери, но зато прощаніе ихъ въ воскресенье вечеромъ было пыткой для обоихъ и дурно отзывалось на расшатанномъ здоровьѣ больной. Родственники придумали не пускать ребенка прощаться съ матерью и однажды, давъ ему по-

XII

раньше отобѣдать, рѣшили тотчасъ же увезти его въ гимназію. Мальчикъ кинулся къ комнатѣ матери—двери заперты, онъ стучится, ломится, зоветъ мать—все напрасно. Тогда порывистый, страстный, не помня себя отъ отчаянія, вбѣгаетъ онъ въ столовую и схватываетъ ножъ, чтобы зарѣзаться... Ножъ выхватили у него изъ рукъ, и долго и сильно потомъ бранили...

Смерть матери глубоко поразила мальчика. Самъ онъ рассказываетъ объ этомъ такъ: „Зимою я заболѣлъ корью; больная, въ лихорадкѣ, едва закутанная въ ветхій салопчикъ (мать моя была очень горда и не любила просить помощи у кого-нибудь), она ѣздила ко мнѣ во всякую погоду, сидя цѣлые дни и далеко за полночь у моего изголовья. Я выздоравлилъ, но она слегла, и больше уже не вставала. Я не присутствовалъ при ея смерти: она знала, что это тяжело отзовется на моемъ впечатлительномъ организмѣ, и отказала себѣ въ счастіи видѣть меня въ послѣднія минуты своей нерадостной жизни. Мнѣ пришлось застать ее уже на столѣ—и я остался одинъ, совершенно одинъ на бѣломъ свѣтѣ!“

Ребенокъ затаилъ тяжелое горе свое на днѣ души, гдѣ оно и залегло у него на всю жизнь. Больной и нервный, онъ часто въ гимназій плакалъ по ночамъ о томъ миломъ призракѣ своей матери, который неизгладимо жилъ въ его душѣ,—плакалъ безумно, горько, едва сознавая самъ, о чемъ онъ плачетъ... Впослѣдствіи поэтъ излилъ свое чувство къ матери въ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ: „Мать“, „Женщина“, „Сквозъ мглу прошедшаго встаетъ передо мной“, „Старая сказка“ и другихъ.

Послѣ смерти матери, сестру поэта, Анну, помѣстили въ Николаевскій институтъ. Такимъ образомъ братъ и сестра росли врознь и видѣлись весьма рѣдко. Первое время мальчику жилось нелегко въ военной гимназій, такъ какъ товарищи сначала не любили его: болѣзненный, впечатлительный, не отличавшійся физическою силою и ловкостью,—и вмѣстѣ съ тѣмъ самолюбивый, не въ примѣръ болѣе развитой и начитанный, чѣмъ весь классъ его, онъ выдѣ-